

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. Два благородных помпеянина	5
Глава II. Слепая цветочница и модная красавица. Признание афинянина. Читатель знакомится с египтянином Арбаком	8
Глава III. Происхождение Главка. Описание домов в Помпеях. Классический пир	20
Глава IV. Храм Исиды. Ее жрец. Характер Арбака	38
Глава V. Снова о слепой цветочнице. Рождение любви	47
Глава VI. Птицелов ловит птичку, которая едва не упорхнула, и расставляет силки для новой добычи	56
Глава VII. Развлечения в Помпеях. Миниатюрное подобие римских терм	69
Глава VIII. Арбак плутует и выигрывает	79

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I. Помпейские трущобы и герои арены	88
Глава II. Два достойных мужа	96
Глава III. Главк делает покупку, которая дорого ему обойдется	101
Глава IV. Бедная черепаха. Новые перемены в судьбе Нидии	108
Глава V. Счастливая красавица и слепая рабыня	114
Глава VI. Иона попадает в ловушку. Мышь пытается перегрызть сеть	120
Глава VII. Египтянин в одиночестве разговаривает сам с собой. Его характер	125
Глава VIII. Что произошло с Ионой в доме Арбака. Первое проявление гнева грозного врага	135

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I. Форум в Помпеях. Первое грубое орудие, с помощью которого создавалась новая эра	146
Глава II. Община	151
Глава III. Привратник, девушка и гладиатор	156
Глава IV. Будуар помпейской красавицы. Важный разговор между Юлией и Нидией.	163
Глава V. Юлия находит Арбака. Результат их разговора .	170
Глава VI. Южная гроза. Пещера колдуньи	176
Глава VII. Властитель Огненного пояса и его помощница. Судьба начертала пророчество огненными буквами, но кому суждено их прочесть?	187
Глава VIII. Дальнейший ход событий. Заговор зреет	195

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I. Размышления о религиозном пыле ранних христиан. Два человека принимают опасное решение. И стены имеют уши, особенно стены священные.	202
Глава II. Хозяин, повар и кухня	205
Глава III. Прием и пир в Помпеях	209
Глава IV. Приворотное зелье. Его действие	224
Глава V. Различные действующие лица встречаются. Потоки, которые текли врозь, сливаются воедино.	229
Глава VI, из которой читатель узнает о дальнейшей судьбе Главка. Испытание дружбы. Вражда утихает, любовь тоже, потому что одна из любящих слепа	240
Глава VII. Похороны у древних.	247
Глава VIII. Что случилось с Ионой	252
Глава IX. Нидия притворяется колдуньей.	254
Глава X. Оса осмеливается залететь в паучьи тенета.	258
Глава XI. Раб вопрошает оракула. Слепцов может обмануть слепая. Два новых узника за одну ночь	263

Глава XII. Нидия разговаривает с Каленом	269
Глава XIII. Нидия пробирается в сад. Удастся ли ей убежать и спасти афинянина?	271
Глава XIV. Скорбь веселых друзей о человеческих несчастьях. Темница и ее жертвы	275
Глава XV. Перемена в судьбе Главка	280

КНИГА ПЯТАЯ

Глава I. Сон Арбака. Неожиданная гостя предостерегает его	295
Глава II. Амфитеатр.	300
Глава III. Саллюстий и письмо Нидии	316
Глава IV. Снова амфитеатр	318
Глава V. Главк выходит из темницы.	325
Глава VI. Кален и Бурдон. Диомед и Клодий. Женщина из амфитеатра и Юлия.	327
Глава VII. Разрушение продолжается	331
Глава VIII. Арбак встречает Главка и Иону	336
Глава IX. Отчаяние влюбленных. Бедствия жителей города	339
Глава X. На другое утро. Судьба Нидии	343
Последняя глава, которой все кончается. Письмо от Главка Саллюстию через десять лет после разрушения Помпей	345

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Два благородных помпеянина

— А, Диомед! Какая встреча! Ты будешь сегодня вечером на пиру у Главка? — сказал невысокий молодой человек в тунике, надетой с небрежным изяществом, на женский манер, как носили благородные прожигатели жизни.

— Увы, дорогой Клодий, он меня не пригласил, — ответил Диомед, полный и уже немолодой мужчина. — Клянись Поллуксом, это обидно! Говорят, он задает лучшие пиры в Помпеях.

— Да, у него славно, только, по мне, вина всегда мало. Какой же он эллин, если жалуется, что наутро у него с похмелья болит голова!

— Боюсь, что у него есть другая причина экономить, — сказал Диомед, поднимая брови. — При всем своем тщеславии и расточительности он, мне кажется, вовсе не так богат, как хочет казаться, и скорее бережет амфоры с вином, чем голову.

— Тем более надо пользоваться его щедростью, пока у него есть сестерции. А в будущем году, Диомед, найдется новый Главк.

— Говорят, он не прочь и в кости сыграть.

— Он не прочь доставить себе любое удовольствие, и, пока ему доставляет удовольствие давать пиры, мы его любим.

— Ха-ха-ха! Хорошо сказано, Клодий! Кстати, видел ты мои винные погреба?

— Как будто нет, друг мой Диомед.

— Непременно приходи как-нибудь ужинать. У меня в садке недурные мурены, и я познакомлю тебя с эдилем Пансой.

— Только, пожалуйста, без церемоний. «Персов роскошь мне ненавистна», я человек скромный. Но уже поздно; я иду в термы. А ты куда?

— К квестору — по общественным делам, а потом в храм Исиды. Прощай!

— Хвастун, бездельник, невежа! — пробормотал Клодий, ленивой походкой двигаясь дальше. — Думает, его пиры и винные погреба заставят нас забыть, что он сын вольноотпущенника! Ладно, мы так и сделаем, окажем ему честь, выигрывая у него деньги. Эта разбогатевшая чернь — золотое дно для нас, веселой знати!

С этими словами Клодий вышел на Домицианову улицу, запруженную колесницами и полную веселого, шумного оживления, какое в наши дни можно увидеть на улицах Неаполя.

Колокольчики быстро обгонявших друг друга экипажей весело и мелодично звенели, и Клодий то и дело кивал или улыбался знакомым, ехавшим в красивых, роскошных экипажах; ни один бездельник не был так известен в Помпеях, как он.

— А, Клодий! Как тебе спалось после вчерашнего выигрыша? — окликнул его звонким, приятным голосом молодой человек с самой красивой и элегантной колесницы.

Она была украшена бронзовыми рельефами в греческом духе — сценами Олимпийских игр; везли ее кони редчайших парфянских кровей; их стройные ноги, едва касаясь земли, словно неслись по воздуху, но одно прикосновение колесничего, который стоял позади молодого хозяина, и они остановились как вкопанные, будто вне-

запно обратились в камень — живые изваяния, подобные одному из животрепещущих чудес Праксителя.

Хозяин их был строен, красив и имел то правильное телосложение, которое некогда служило образцом для афинских скульпторов; светлые, спадающие густыми прядями волосы и совершенная гармония черт выдавали его греческое происхождение.

Он не носил тоги, которая во времена императоров перестала быть национальной римской одеждой и вызывала насмешки модников, а его туника была из лучшего тирского пурпура, и застежка, которая скрепляла ее на плече, сверкала изумрудами; на шее у него была золотая цепь, оканчивавшаяся на груди головой змеи; изо рта у змеи свисало большое кольцо с печатью тончайшей работы; широкие рукава туники были оторочены златотканной материей; пояс из той же материи с вытканными на нем причудливыми узорами заменял карманы, и за него были заткнуты носовой платок, кошелек, стиль и навошенные таблички.

— А, мой милый Главк! — приветствовал его Клодий. — Рад видеть, что проигрыш так мало тебя опечалил. Право, кажется, будто тебя одушевляет сам Аполлон: лицо твое так и светится счастьем. Можно подумать, что ты выиграл, а не проиграл.

— Не все ли равно — выиграть или проиграть эти презренные металлические кружки! Разве должно это влиять на наше настроение, любезный Клодий? Клянусь Венерой, пока мы молоды и можем увенчать себя цветами, пока кифара ласкает нам слух и волнует нашу кровь, которая так быстро бежит по жилам, до тех пор будем мы наслаждаться солнечным теплом и светом и заставим само седое время быть лишь казначеем наших радостей. Не забудь же, сегодня вечером ты мой гость.

— Возможно ли забыть приглашение Главка!

— А куда ты теперь?

— Собираюсь зайти в термы; но еще целый час до открытия.

— Я отпущу колесницу и пройду с тобой. Ну, ну, Филий! — И он погладил одного из коней, который прижал уши и тихо заржал, отвечая на ласку. — Сегодня ты можешь отдохнуть. Не правда ли, он красив, Клодий?

— Достоин Аполлона или Главка, — отвечал благородный прихлебатель.

Глава II

Слепая цветочница и модная красавица. Признание афинянина. Читатель знакомится с египтянином Арбаком

Болтая о всякой всячине, молодые люди неторопливо шли по улицам. Они очутились теперь в квартале самых роскошных лавок, сверкавших внутри яркими, но гармоничными фресками, которые поражали своим разнообразием и прихотливостью.

Повсеместно, искрясь в солнечных лучах, били фонтаны, смягчая летний зной; всюду виднелись прохожие или, вернее, празднующиеся, почти все одетые в тирский пурпур; оживленные толпы собирались вокруг самых богатых лавок; сновали рабы, неся на головах бронзовые ведра самой изящной формы; у стен длинными рядами стояли молодые крестьянки с корзинами спелых плодов и цветов, пленявших древних итальянцев больше, нежели их потомков (для которых поистине *latet anguis in herba*^{*}, отравы таится в каждой фиалке и розе); часто попадались таверны, заменявшие праздным людям современные кафе и клубы. На мраморных полках рядами стояли сосуды с вином и маслом, а возле них были ложа, за-

^{*} В траве прячется змея (*лат.*).

щищенные от солнца тентами из пурпура и манившие усталого отдохнуть, а ленивого предаться безделью. Весь этот блеск и волнующее оживление оправдывали афинское пристрастие Главка к земным радостям.

— Не говори мне о Риме! — сказал он Клодию. — Наслаждения за его несокрушимыми стенами утомляют своей пышностью и великолепием; даже при императорском дворе, даже в Золотом доме Нерона и в блеске нового дворца Тита великолепие кажется скучным — глаз устает, душа изнывает; и, кроме того, любезный Клодий, видя чужую пышность и богатство, тяжело вспоминать оскудение своего отечества. Здесь же мы беззаботно предаемся наслаждению и пользуемся всеми преимуществами роскоши без утомительной пышности.

— Поэтому ты и избрал Помпеи для своего летнего дома?

— Да. Я предпочитаю их Байям. Слов нет, они очаровательны, но мне не по душе ученые педанты, которые приезжают туда и собирают жалкие крохи удовольствий.

— Но ведь ты любишь ученых. Я уж не говорю о поэзии — твой дом буквально дышит Эсхилом и Гомером, драмой и эпосом.

— Да, но римляне слишком слепо подражают моим афинским предкам. Даже на охоту рабы тащат за ними Платона, и, упустив кабана, они углубляются в книги и папирусы, чтобы не терять времени. Когда танцовщицы услаждают их персидским изяществом, какой-нибудь лоботряс из вольноотпущенников с каменным лицом читает им Цицероновы «Об обязанностях». О жалкие крохоборы! Наслаждение и познание нельзя смешивать, они несовместимы. Из-за этого педантизма римляне теряют все и доказывают равнодушие и к тому и к другому. Ах мой милый Клодий, как мало знают твои соотечественники истинную гибкость Перикла, истинное очарование Аспасии! На днях я посетил Плиния: он сидел в беседке и писал, а несчастный раб играл на флейте. Его племянник (ох, избавь меня от таких

философствующих шутов!) читал описание чумы из Фукидида и самодовольно кивал в такт музыке, тогда как его губы произносили омерзительные подробности этого ужасного описания. Этому щенку не претило одновременно слушать любовную песню и читать описание чумы.

— Да ведь любовь и чума — это почти одно и то же, — заметил Клодий.

— Я так и сказал ему, чтобы как-то оправдать его шутство, но юнец не понял иронии и с укоризненным видом ответил, что музыка ласкает лишь ухо, тогда как книга (заметь, описание чумы!) возвышает сердце. «Ах! — прохрипел его толстый дядюшка, отдуваясь, — мой мальчик истый афинянин, он всегда сочетает приятное с полезным». О Минерва, я едва удержался от смеха! А потом этот желторотый софист получил при мне известие о смерти своего любимца вольноотпущенника. «Неумолимая смерть! — вскричал он. — Раб, дай мне томик Горация. Этот дивный поэт прекрасно утешает нас в подобных несчастьях!» Ну скажи сам, любезный Клодий, способны ли эти люди любить? Даже рассудочная любовь едва ли им доступна. А как редко у римлянина бывает сердце! Он — только хитро устроенная машина, а не существо из плоти и крови.

Хотя Клодий втайне был уязвлен этими словами в адрес своего соотечественника, он притворился, будто сочувствует Главку, отчасти потому, что он по натуре был прихлебателем, отчасти потому, что среди беспутных молодых римлян принято было относиться с некоторым презрением к колыбели собственной славы; в моде было подражать грекам и в то же время смеяться над своей неловкостью в подражании.

Беседа, они остановились перед толпой, которая собралась посреди площади, на пересечении трех улиц. В тени портиков красивого и легкого храма стояла девушка; на правой руке у нее висела корзинка с цветами, в левой был маленький трехструнный музыкальный инструмент, под тихий и нежный аккомпанемент которого

она пела какую-то странную, почти варварскую песню. После каждого куплета она грациозно покачивала корзинкой, предлагая слушателям купить цветов, и сестерции сыпались к ней в корзину — то ли в похвалу пению, то ли из сочувствия к певице, потому что она была слепа.

— Я знаю эту бедняжку, она из Фессалии, — сказал Главк. — Я еще не видел ее после возвращения в Помпеи. Давай послушаем.

Люди, купите цветы!
Я слепая, издалёка родом.
На земле и пыль — сестра красоты,
А цветы на ней — пестрым хороводом.
Цветы хранят земной аромат,
В них голубая роса, как на золотом блюде.
Я срезала их час тому назад.
Купите мои цветы, люди!
Час назад, всего лишь час!
И светило солнце, и, может, летали пчелы...
Люди, я срезала их для вас —
И легкий лист, и бутон тяжелый.
Ваш мир — клубок солнечных дорог.
Там растут деревья с зелеными волосами.
Если бы кто-нибудь в мире мог
Заглянуть во тьму перед моими глазами!..
Я хочу видеть тех, кого люблю,
Навстречу шагам их я протягиваю руки —
И только звук бездонный ловлю.
Мир вокруг меня — звуки!
Купите, купите цветы!
Не хотят они, чтоб ими владела
Ночи дочь, исчадь темноты,
И до моей боли нет им дела.
Мне ли, незрячей, их краса?
Пусть на них смотрят зоркие глаза.
Зеленые стрелы, оранжевые нити...
Купите цветы, купите!*

* Здесь и далее перевод стихов Д. Маркиша. (Примеч. ред.)